

Юрий Левинг

Куда (и откуда) скакет всадница матраса?

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЯХ
«ПИСЬМА В ОАЗИС» БРОДСКОГО¹

Yuri Leving

Where is the Mattress's Cowgirl Riding? On Joseph Brodsky and Alexander Kushner's
Controversy around "Letter to an Oasis"

Юрий Левинг (Принстонский университет;
PhD) yleving@princeton.edu.

Ключевые слова: поэзия, литературная по-
лемика, поэт и власть, ахматовские сироты

УДК: 82(091)
DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_284

В статье рассматривается история создания и публикации стихотворения Иосифа Бродского «Письмо в оазис», которое было первоначально адресовано поэту А.С. Кушнеру, но по просьбе адресата инициалы были сняты. Наряду с реконструкцией историко-литературного контекста, автор предлагает построчный комментарий стихотворения Бродского, показывая его устройство и интертекстуальные связи.

Yuri Leving (PhD; Princeton University) yleving@princeton.edu.

Key words: poetry, literary polemics, poet and power, Akhmatova's Orphans

УДК: 82(091)
DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_284

The article examines the history of the creation and publication of Joseph Brodsky's poem "Letter to the Oasis," which was originally addressed to the poet A.S. Kushner, but at the request of the addressee the initials were removed. Along with the reconstruction of the historical and literary contexts, the author offers a line-by-line commentary on Brodsky's poem, showing its structure and intertextual connections.

Цель настоящих заметок — выйти за ареал литературного скандала, связанного с посмертной публикацией стихотворения Иосифа Бродского «Письмо в оазис» и снятием инициалов друга-стихотворца в dedicatio. Ниже мы продемонстрируем довольно сложное устройство этого поэтического текста и его интертекстуальную установку.

Полемический заряд стихотворения, сдентонировавший раньше предназначенного времени, не был точечно направлен против принявшего его как личный выпад современника, но вовлекал в радиус действия ряд предшественников по цеху и соратников из ближайшего круга «ахматовских сирот». В итоге поражающие элементы этой «кассетной бомбы» Бродского раздвинули рамки литературного диалога за счет перекрестных реминисценций к произведениям, объединенным несколькими темами: 1) противостояние поэта и власти (как часто бывает в поэзии, проецируемое на восточный тианический извод последней); 2) выбор между изгнанием и конформистской позицией поэта и гражданина в несвободной стране; 3) любовь (в ее физиологическом

1 Автор приносит сердечную благодарность прочитавшим эту статью в рукописи и сделавшим свои замечания И. Виницкому, А.К. Жолковскому, Г.А. Левинтону, Е. Сошикину, Р.Д. Тименчику.

аспекте). Удовлетворенность Бродского поэтической конструкцией в итоге перевесила риски нанесения обиды номинальному адресату — поэту Александру Семеновичу Кушнеру.

Позиция Кушнера, вне сомнений, достойна уважения: несмотря на покоробившую его инвективу, после смерти Бродского он нашел в себе мужество подробно и по возможности без лишних эмоций резюмировать суть литературного конфликта². Как предположил Лев Лосев в комментарии к «Письму в оазис» (далее ПвО), значение этого стихотворения для Бродского было глубже полемики с Кушнером, «его название стало названием всего последнего раздела последней книги»³.

Письмо в оазис

- 1 Не надо обо мне. Не надо ни о ком.
- 2 Заботясь о себе, о всаднице матраса.
- 3 Я был не лишним ртом, но лишним языком,
4 подспудным грызуном словарного запаса.

- 5 Теперь в твоих глазах амбарного кота,
6 хранившего зерно от порчи и урона,
7 читается печаль, дремавшая тогда,
8 когда за мной гналась секира фараона.

- 9 С чего бы это вдруг? Серебряный висок?
10 Оскомина во рту от сладостей восточных?
11 Потусторонний звук? Но то шуршит песок,
12 пустыни талисман, в моих часах песочных.

- 13 Помол его жесток, крупицы — тяжелы,
14 и кости в нем белей, чем просто перемыты.
15 Но лучше грызть его, чем губы от жары
16 облизывать в тени осевшей пирамиды.

История создания

Стихотворение было написано Бродским в конце 1991-го или в начале 1992 года⁴ — согласно принятой версии, по следам чтения сборника эссе Кушнера «Аполлон в снегу». Кушнер лично подарил книгу Бродскому в ноябре 1991-го

2 Кушнер А. «Здесь, на земле...» (1996) // Кушнер А. Тысячелистник. СПб.: Русско-Балтийский информац. центр «Блиц», 1998. С. 219—310. Также в кн.: Иосиф Бродский. Труды и дни / Ред.-сост. Л. Лосев и П. Вайль. М.: Независимая газета, 1998. С. 154—206.

3 Бродский И. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступ. статья, сост. и примеч. Л. Лосева. Т. 2. СПб.: Изд. группа «Лениздат»; Книжная лаборатория, 2017. С. 561. Далее ссылки даются на это издание, за исключением особо оговоренных случаев.

4 Pis'mo v oazis, drafts, [1991]. Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Joseph Brodsky papers. GEN MSS 613. Series II. Box: 64. Folder: 1483—1484. Строго говоря, датировка

(«Он провожал нас [с Рейном] на улице, уезжавших в аэропорт, и долго, очень смешно и театрально убивался по поводу нашего отъезда, разыграв немую сценку: швырнул книжку, которую я ему подарил (“Аполлон в снегу”) на капот соседнего автомобиля, прижимая обе руки к сердцу, хватался за голову и т.д.»⁵). Два года спустя, осенью 1993 года, Кушнер с женой Еленой Невзглядовой (Ушаковой) посетили Бродского в его квартире в Нью-Йорке, много беседовали и гуляли вместе по городу. Слово Кушнеру:

Примерно через месяц, уже в Петербурге, случайно, через Рейна, до меня дошли его стихи с посвящением А.К. «Письмо в оазис»... Эти стихи меня задели. И не только своей грубостью, но и странным обвинением в том, что я не печалился в те годы, когда за них «гналась секира фараона». Рейн мне сказал, что получил эти стихи от Бродского вместе с другими — еще в Италии, летом, т.е. до моего последнего свидания и разговора с Бродским в ноябре в Нью-Йорке⁶.

Хронология нуждается в уточнении: обширная подборка из трех десятков стихотворений Бродского под общим названием «Воздух с моря», включая совсем свежие (три текста датированы 1993 годом), появилась в майском номере «Нового мира» за 1994 год⁷. Под давлением Кушнера ПвО было снято, хотя остались другие тексты с посвящениями Е. Рейну, В. Шильц, В. Уфлянд⁸. Рейн не является самым достоверным информантом, и Бродский ПвО ему летом не передавал. Напомним, что в начале ноября 1993 года Рейн провел неделю в Венеции вместе со съемочной группой и молодыми режиссерами Е. Якович и А. Шишовым⁹. Вероятнее всего, копии стихов Бродский вручил ему, чтобы от-

на сохранившихся автографах автором не указана, а помета с помещенным в квадратные скобки годом принадлежит архивисту. В одной из двух папок вместе с ПвО хранится автограф позднего стихотворения «Что ты делаешь, птичка, на черной ветке...» (впервые: Новый мир. 1994. № 5) — порядок листков, как можно предположить, определен самим автором.

5 Кушнер А. «Здесь, на земле...» С. 279.

6 Там же. С. 285.

7 В ряде публикаций, затрагивающих поэтический конфликт, допущены ошибки; авторы, исходя из мемуаров Кушнера, подменяют год сочинения стихотворения годом публикации журнальной подборки в «Новом мире»; ПвО в «Новом мире» тогда опубликовано не было (Кацов Г. «...весело сидеть за письменным столом...». О радостной поэтике Александра Кушнера // Знамя. 2021. № 1. Цит. по: <https://znamlit.ru/publication.php?id=7843> (дата обращения: 12.02.2025)). Возможно, неверная датировка Кацова восходит к работе О. Лекманова* (ср.: «В 1994 году Иосиф Бродский разразился яростным стихотворением “Письмо в оазис”»); там же — «знаменитый пастернаковский однотомник 1961 года» (на самом деле «Стихотворения и поэмы» вышли в свет в 1965-м). См.: [Лекманов* 2005].

* Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

8 Бродский сообщал Кушнеру 14 декабря 1993 года: «Я попросил Женю передать новомирским, чтоб сняли инициалы, и это будет сделано. Никаких странностей (это слово написано неразборчиво. — А.К.) тут быть не может, ибо мне обещаны гранки. Можно, конечно, снять все стихотворение; но что-то мне в этой идее не нравится. Стихотворения мне не жалко, как ты можешь догадаться: ±16 строк ничего на свете не меняют. И если от (+) у тебя портится настроение, то ответ на это один: (?)» (Кушнер А. «Здесь, на земле...». С. 289).

9 Как пишет одна из создателей фильма, Рейн был и тем, кто помог организовать съемки документального фильма «Прогулки с Бродским» с участием поэта (Прогулки с Бродским и так далее. И. Бродский в фильме А. Шишова и Е. Якович. М.: Аст, Сорпус, 2017. С. 21; 31—34).

дать в редакцию журнала, именно тогда, при личной встрече в Италии в середине осени, а не летом 1993 года, как полагал Кушнер. Данный порядок событий имеет значение, поскольку Кушнер не смог простить Бродскому того, что 20 ноября в Нью-Йорке он утаил от него факт передачи текста ПвО Рейну за несколько месяцев до их встречи («Ну, написал — так покажи, не держи камень за пазухой»¹⁰). Бродский все еще надеялся провести стихотворение в «новомирскую» печать с инициалами Кушнера. Не решившись показать его Кушнеру при очной встрече, возможно, он рассчитывал на то, что Рейн (наиболее близкий из его ленинградских друзей) выступит в деликатном вопросе медиатором¹¹; впрочем, нельзя полностью исключать сценария, при котором Рейн безо всякой на то санкции показал текст ПвО до его обнародования, например чтобы подразнить того, кому он был адресован¹², — вызвав бурю негодования со стороны Кушнера, роковой звонок в Нью-Йорк и, как следствие, купору посвящения в печати.

Когда Кушнер из разговора с Бродским понял, что стихотворение дорого автору с художественной точки зрения, а свидетели подготовки к печати весенней подборки 1994 года сохранили в редакционном портфеле текст ПвО (не говоря о списке Рейна) и рано или поздно предали бы сюжет огласке, у него не оставалось выбора, как опубликовать стихотворение самому. Приведя его в своей мемуарной прозе сразу в нескольких параллельных изданиях 1998 года¹³, Кушнер постарался тем самым контролировать нарратив о литературной размолвке уже после смерти Бродского.

Ранняя редакция

Черновиков ПвО не сохранилось, за исключением двух машинописных копий с авторской правкой. Одна из них, обнаруженная в нижнем ящике письменного стола Бродского в квартире на Пиерпойнт-стрит (отметка о местонахождении была сделана при составлении описи документов, содержавшихся в месте последнего проживания поэта в Нью-Йорке), представляет интерес. Благодаря этой машинописи мы можем ввести в научный оборот дополнительную — предполагавшуюся быть последней — строфу стихотворения, в которой содержатся разнотечения по сравнению с известной версией:

10 Кушнер А. «Здесь, на земле...». С. 285.

11 Бродский никогда не скрывал от Рейна сарказма по отношению к Кушнеру и Найману — в шуточном послании, написанном в Нью-Йорке 30 июля 1978 года, он так описывал квартиру на Мортон-стрит (строфы 10–12 из пятидесяти двух): «Вернемся к быту. Есть / диван, чтоб лечь. Чтоб сесть / есть разных кресел шесть / и к ним — благая весть! — / камин, чтоб из невесть / кого строку привесть. // Есть холодильник, в рост / А. Кушнера, и в нем / то, что ни вставши в хвост, / ни просто днем с огнем / нельзя в Москве, как в Пост / А. Найману. Замнем» (“Pishu tebe iz SSHА,” drafts. Joseph Brodsky papers, Beinecke, GEN MSS 613. Box 63. Folder 1474).

12 Согласно одному свидетельству, Е. Рейн рассказал А. Кушнеру о посвящении ему Бродским стихотворения звонком по телефону из ленинградской квартиры фотографа Бориса Шварцмана (интервью Б. Шварцмана Ю. Левингу от 4 мая 2024 года).

13 В вышеупомянутом в Москве сборнике под редакцией П. Вайля и Л. Лосева «И. Бродский: Труды и дни» (подписан в печать 31 декабря 1997 года) и в авторской книге Кушнера «Тысячелистник», отпечатанной в Санкт-Петербурге (сдана в печать 1 июля 1998 года).

Не порть себе глаза. Плод — пленник кожуры.
Отплюнется верблюд, чьи кости перемыты
при жизни, от воды, от тех, кто от жары
хоронятся в тени осевшей пирамиды.

В нижней части листа рукой Бродского набросан вариант, приближенный к окончательному («крупинки» вместо «крупицы» и с альтернативными третьей и четвертой строками; поверх основной записи красными чернилами сделаны несколько исправлений черным пером, однако не все слова можно расшифровать с полной уверенностью):

Помол его жесток, крупинки — тяжелы,
но кости в нем белей, чем если перемыты.
И лучше грызть его, чем шкуру от жары
стелить себе в тени осевшей пирамиды.

Комментарии

Ниже предлагаются некоторые размышления о том, куда и, главное, откуда (в смысле литературных антецедентов) скачет «всадница матраса» в стихотворении Иосифа Бродского.

1 Не надо обо мне. Не надо ни о ком.

Первая строка ПвО — прямой отклик на преамбулу А. Кушнера к сборнику эссе «Аполлон в снегу»: «Надеюсь, это рассказ не только о себе, но и о своем поколении, о тех, кто рядом со мной любил стихи, жил ими»¹⁴.

О том, что Бродский стремительно перерос коллективное «мы», состоящее из поколения его советских современников, став частью глобальной западной культуры, писала Наталья Горбаневская — как раз в связи с циклом стихотворений Кушнера, где

обнаруживается один — не знаю, осознанный ли самим поэтом — перелом отношения к Бродскому. Стихотворение 1974 года «Смотри же нашими глазами...» Кушнер заканчивает так:

Подумай так, что ты разведка
Своих друзей в kraю чужом,
За прутья вылезшая ветка
На общем дереве большом.

«...поколение поколением, а ветка эта вылезла за прутья слишком далеко», — резюмировала Горбаневская¹⁵. В том же стихотворении Кушнера лазутчик на Западе изображается пристающим к молодой студентке преподавателем — и если Бродский мог за минувшие полтора десятилетия эти стихи запамятовать, то Горбаневская очень кстати их печатно освежила в его памяти как раз в 1991 году:

14 Кушнер А. Аполлон в снегу: Заметки на полях. Л.: Советский писатель, 1991. С. 8.

15 Горбаневская Н. Иосиф Бродский — размером подлинника // Русская мысль. 1991. № 3872. 29 марта.

Куда (и откуда) скакет всадница матраса?..

Взойдя по лестничке с опаской
На современный пироскаф,
Дуреху с кафедры славянской
Одной рукой полуобняв...¹⁶

Вполне достаточно как триггер для включения профессором Бродским в следующую строку ПвО совета позаботиться о том, кого и как, в свою очередь, должен обнимать его советский корреспондент.

2 Заботься о себе, о всаднице матраса.

Фраза «всадница матраса» взята из поэмы Бориса Пастернака «Спекторский»¹⁷ (где слово «матрас» написано с «ц»)¹⁸. Отрывок (впервые — в пятом номере альманаха «Круг», 1925), не прошедший (авто?) цензуру в отдельном издании поэмы¹⁹, был включен на излете оттепели в серию «Библиотека поэта» с предисловием А.Д. Синявского. Напечатанный петитом в разделе «Ранние редакции», фрагмент не ускользнул от внимательных читателей. Насколько нам известно, отрывок Пастернака пока не становился предметом специального анализа, между тем он того заслуживает — хотя бы потому, что по сей день остается не-превзойденным образчиком высокой эротической поэзии на русском языке (за смелость образов заслужив похвалу эмигрантского критика-современника, несмотря на негативную оценку отрывка в целом²⁰). После строки «И елка иглы осыпает в крем» в первоначальной редакции следовали шесть строф:

Когда рубашка врезалась подпругой
В углы локтей и без участья рук,
Она зарыла на плече у друга
Лица и плеч сведенных перепут.

То не был стыд, ни страсть, ни страх устоев,
Но жажда тотчас и любой ценой
Побыть с своею зябкой красотою,
Как в зеркале, хотя бы миг одной.

Когда ж потом трепещущую самку
Раздел горячий ветер двух кистей,
И сердца два качнулись ямка в ямку,
И в перекрестный стук грудных костей

16 В статье в «Русской мысли» Горбаневская процитировала только конец стихотворения 1978 года, отослав Бродского и читателей к полному тексту.

17 Вслед за подсказкой Бродского точный источник поэтической фразы указывался в работах О. Лекманнова* [Лекманов* 2005] и Л. Лосева (*Бродский И. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 2. С. 562*).

* Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

18 Пастернак следует орфографии Даля, но современные толковые словари (включая Ожегова) признают оба варианта нормативно допустимыми.

19 *Пастернак Б. Спекторский. Поэма. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1931.*

20 Ю.К. Терапиано увидел множество недостатков во фрагменте, напечатанном в альманахе «Круг», но «лишь в одном месте схематические существа оживают, согретые прежним волнением хотя бы старых стихов: “помешай мне, попробуй...” Сцена

Вмешалось два осатанелых вала,
И, задыхаясь, собственная грудь
Ей голову едва не оторвала
В стремленьи шеи любящим свернуть,

И страсть устала гривою бросаться,
И обожанья бурное русло
Измученную всадницу матраца
Уже по стрежню выпрямив неслο,

По-прежнему ее, как и вначале,
Уже почти остывшую, как труп,
Движенъя губ каких-то восхищали,
К стыду прегорько прикушенных губ²¹.

Вяч.Вс. Иванов назвал отрывок аналогом пушкинского «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем» (хотя трудно согласиться, что стихи написаны с точки зрения героини) [Иванов 2015: 324]; другая исследовательница заподозрила Пастернака, приоткрывшего сексуальную жизнь своих персонажей, в несвойственной автору грубости²². Можно предположить, что без всякой связи с Кушнером прочитавшего впервые эти стихи молодого Бродского должен был заинтриговать прежде всего профессионально-литературный аспект: описание сексуального опыта героев в свете известной ограниченности любовного словаря русской поэзии. В изображение полового акта Пастернак вводит метафору конных скачек, поединка, цирковой езды или охоты: «когда рубашка врезалась подпругой» (то есть широким ремнем, который затягивается под брюхом лошади и служит для укрепления седла), «страсть устала гривою бросаться», и, наконец, самый яркий мазок в этюде — «всадница матраца». Верховой езде Пастернак уподобляет позицию, при которой мужчина лежит на спине, а женщина сидит сверху лицом к нему, охватив голенями его тело, приподнимаясь или слегка раскачиваясь вперед-назад. Поэт фокусирует взгляд на «наезднице», тогда как сопутствующие атрибуты коня (подпруга, грива) совмещаются с другими динамическими характеристиками: прилагательные «трепещущая», «перекрестный», «бурное»; глаголы активного действия — ветер «раздел», вал «вмешался», сердца «качнулись». Постепенно сила страсти, объединяющая в метафорической конструкции у Пастернака любовников в одно существо, смешивает признаки человека и животного (волосы женщины превращаются в гриву).

В позе наездницы инициатива закреплена за контролирующей ритм женщиной; для пуританской морали советских читателей подобное изображение

страсты — единственное живое место в “канцелярии” Спекторского» (*Терапиа*но Ю.К. Два начала в современной русской поэзии // Новый дом. Литературный журнал. 1926. № 1. С. 25). См. также: [Сергеева-Клятис 2016: 360—365]. Курсив в цитатах, за исключением специально оговоренных случаев, принадлежит нам. — Ю.Л.

21 Цит. по изданию, в котором этот текст прочитал Бродский: *Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 596—597.*

22 Ср.: «...в пропущенном эпизоде “Спекторского” Ольга с несвойственной произведением Б. Пастернака грубостью названа “трепещущей самкой” и “всадницей матраса”. Это авторский текст, но он передает, конечно, отношение к Ольге Спекторскому» [Горелик 1997: 21].

интимной близости, пусть даже завуалированной, воспринималось как нарушение социальных табу и для автора было в высшей степени рискованным шагом. Вместе с тем всадница Пастернака имеет отчетливо литературный прототип — эпатирующее стихотворение Владимира Бенедиктова «Наездница» (1835)²³, названное Белинским «очень неблагопристойным», которое начиналось буквально с места в карьер:

Люблю я Матильду, когда амазонкой
Она воцарится над дамским седлом,
И дергает повод упрямой рученкой,
И действует буйно визгливым хлыстом²⁴.

«Сердечно довольная тряскою высью», наездница испытывает удовольствие от «резвых подскоков на мягкому седле». В finale стихотворения «Матильда спрыгнула — и в сладком волненье / Кидается бурно на пышный диван» (в «Спекторском» диван превратится в обычный матрац).

Описываемая Пастернаком практика не похожа на нежность влюбленных, здесь жесткий секс партнеров граничит с насилием («ей голову едва не оторвала» в четвертой строфе и «как труп» в шестой — на скрещении образов «Всадника без головы» и самки богомола, пожирающей самца после спаривания); ср. у Бродского: «Наутро, когда Зизи распахивает жалюзи, / сообщая, что Лувр закрыт, вцепясь в ее мокрый волос, / ткни глупой мордой в подушку и, прорычав “Грызи”, / сделай с ней то, от чего у певицы садится голос»²⁵. Нетривиальность отрывка Пастернака еще и в том, что он не просто описывает чувственное удовольствие, но момент оргиастического переживания («и обожанья бурное русло... уже по стрежню выпрямив неслово»), которое сталкивает с состоянием посткоитальной дисфории (post-coital tristesse) — «уже почти остывшую... / движенья губ каких-то восхищали».

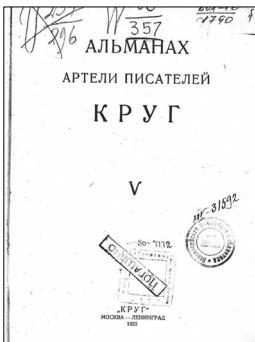
Стрежень — самая быстрая часть течения реки — несет здесь дополнительную смысловую нагрузку, если прочесть существительное как анаграмму слова *стержень*. Настолько естественным такое (неправильное; ил.) прочтение показалось Льву Лосеву и редакторам примечаний к публикации комментариев ПвО в серии «Новая библиотека поэта», что фаллическая опечатка («Уже по *стержню* выпрямив неслово») продолжает кочевать из издания в издание стихотворений Бродского²⁶.

23 Я благодарен Илье Винницкому, подсказавшему мне эту параллель. Неодобрение критики заставило автора «Наездницы» во втором издании исправить высмеянное Белинским последнее четверостишие; столетие спустя в подобной же ситуации окажется Пастернак.

24 Бенедиктов В.Г. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1983. С. 85.

25 «Приглашение к путешествию» (1992). В комментарии к стихотворению Лосев отмечает, что в фильме Вуди Аллена «Анни Холл» (1977) «героиня объясняет свое нежелание заниматься любовью тем, что на следующий день ей предстоит петь со сценой» (Бродский И. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 2. С. 574).

26 Бродский И. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подгот. текста, примеч. Л. Лосева. Т. 2. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2011. С. 473. Уточненное и исправленное издание, но с тем же вкрашившимся в комментарий искажением: Бродский И. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 2. СПб.: Изд. группа «Лениздат»; Книжная лаборатория, 2017. С. 562.

И страсть устала гривою бросаться,
И обожанья бурное русло
Измученную всадницу матраса
Уже по стрежню выпрямив несло,

*Ил. Стrophe в издании альманаха «Круг», V, 1925.
Так же в собрании стихов Пастернака 1965 г.²⁷*

Теперь самое время вернуться к главному вопросу, взволновавшему и опечалившему А.С. Кушнера: «Как не стыдно?», то есть при чем тут адресат ПвО и замечательные, но чересчур откровенные стихи Пастернака о «мигах последних содроганий» (вновь цитируя Пушкина). Как нам кажется, в навязанном ему вопреки желанию телефонном выяснении отношений Бродский не раскрыл психологической подоплеки мотивов, по которым он взялся писать стихотворение в выбранном им самим модусе, и уж точно не счел такой формат общения подходящим для раскрытия всей его сложной интертекстуальной схемы:

«Понимаешь, это хорошие стихи. Ведь они тебе нравятся, да?» Я опешил: что за всадница матраса? Как не стыдно? «Это из Пастернака! — сказал он, — поверь, я не хотел никого обидеть». — Не стихи, а цыганский роман, — кричал я: «Не надо обо мне, не надо ни о ком...» И какое я ко всему этому имею отношение, к «секире фараона»? Так обижать нельзя²⁸.

Незадолго до того, как было написано ПвО, Кушнер дал интервью В. Полухиной. На вопрос, какие стихи Бродского, по его мнению, «держатся на пушкинской тональности», Кушнер предположил, что перекличка с Пушкиным возникает там, где Бродский обращается «к повествовательному стиху, стиху-рассказу; это связь не с Пушкиным-лириком, а с Пушкиным — автором поэм»²⁹. И продолжил: «То же происходит у Пастернака в “Спекторском” и некоторых стихах из книг “Темы и вариации” и “Второе рождение”»³⁰. Первая упомянутая в ряду трех книг Пастернака поэма могла заставить Бродского как задуматься о самой параллели с повествовательным стихом, так и взглянуть на «Спекторского» под специфическим углом зрения — а именно сквозь призму поэтики сподвигнувшего его к этому размышлению Кушнера. Если это предположение верно, то и истоки угрозы («за мной гналась секира фараона»), возможно, скрываются в образах «Спекторского» («ей голову едва не оторвала»).

В контексте «Спекторского» начинавшиеся строкой «Заснешь с прикушенной губой» стихи Кушнера с посвящением ссылочному Бродскому могли

27 Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 597.

28 Кушнер А. «Здесь, на земле...». С. 286.

29 Полухина В. Бродский глазами современников. Сборник интервью. СПб.: Журнал «Звезда», 1997. С. 112. Последний романтический поэт. Интервью с Александром Кушнером. Май 1990, Ленинград.

30 Там же.

теперь показаться адресату перифразой финальной строки отрывка Пастернака: «К стыду прегорько прикушенных губ»³¹.

Восклицание Кушнера про чувство стыда в отношении описания из «Спекторского» может показаться вполне в духе тихого интеллигентного интроверта; тем не менее возвышенный эрос был не чужд и самому Александру Семеновичу³². Молодые приятели Бродский и Яков Гордин в щуточном послании ко дню рождения Кушнера предлагали вообразить тихое имение в глухи с полусотней душ в придачу. В этой веселой пародии на беззаботное времяпрожигание старосоветского помещика они рисовали именинника в окружении сексапильных муз-крестьянок:

А девки! девки как одна.
Или одна на самом деле.
Прекрасна во поле, в постели
да и как Муза не дурна.

Не на эту ли глянцевую картинку отзываясь через два года, Кушнер в обращенном к Бродскому стихотворении воспроизвёл подслушанный диалог: «“Может, девочек, — он говорит, — позовем?” / И скучает: “Хорошеньких нету”» («В кафе», 1972)?³³

Тексты Е. Рейна, включенные в его сборник «Мой лучший адресат», связанны с жизнью и творчеством Бродского. Во фривольных стихах, сочиненных в подражание Овидиевой «Науке любви» («Прочь от этих стихов, целомудренно-узкие ленты. / Прочь, расшищый подол, спущенный ниже колен! / О безопасной любви я пишу, о дозволенном блуде, / Нет за мною вины и преступления нет»³⁴), собрана впечатляющая разнообразием сексуальных позиций «Камасутра» (не чёта пастернаковской «всаднице матраса» или каламбуру Бродского в послании Голышеву: «Пора кончать, как говорит / красавица под гренадером»³⁵):

Пусть же всякая жена
Из любви устроит праздник,
Если стройно сложена —
На туфяк ложится навзничь.

31 В «Спекторском», возможно, также угадывается далекое эхо «амбарного кота» и «матраса»: «Амбар, где шла разборка гардеробов, / Плыл наугад, куда глаза глядят. <...> Как вдруг Спекторский обомлел и ахнул. / В зрачках, уставших от чужих перин, / Блеснуло что-то яркое, как яхонт, / Он увидел Мариин лабиринт» (Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. С. 339).

32 Ср.: «Но и в стихах воздушная стихия / Всего важней, и в грозах, и в любви. / Стих держится на выдохе и вдохе, / Любовь — на них, и каждый сдвиг в эпохе. / Припомните, как дышит ночью сад! / Проколы эти, пропуски, зияния, / Наполненные плачом содроганья. / Что жизни наши делают? Сквозят» (Кушнер А. Голос: Стихотворения. Л.: Советский писатель. Ленинградское отд-ние, 1978. С. 90—91). В других стихах: «И если пальцев белый табунок / На простыни доверчиво пасется, / И не трясут за теплое плечо...» (Кушнер А. Флейтист: Стихи. М.: Правда, 1990. С. 19—20; стихотворение «И если спиши на чистой простыне...»).

33 Кушнер А. Прямая речь: Стихотворения. Л.: Лениздат, 1975. С. 78.

34 Публий Овидий Назон. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. Кн. 1. СПб.: Биографический институт «Студия Биографика», 1994. Перевод и коммент. М.Л. Гаспарова.

35 Бродский И. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступ. статья, сост. и примеч. Л. Лосева. Т. 2. СПб.: Изд. группа «Лениздат»; Книжная лаборатория, 2017. С. 402.

Впрочем, если хороши
Ягодицы и лопатки,
Повернуться поспеши,
Поиграй сначала в прятки.

Высоту бесстыжих ног
Подари ему галантно.
Гиппомен влюбленный мог
На плечах держать Атланту. <...>

Если вся ты хороша —
Стань добычею героя,
Грудь твою разворотя,
Он тебя добудет стоя.

Если сладостен живот
И очерчен совершенно,
Все, что надо, узнает,
Не меняя положенья.

Если бедра так узки,
Словно у карманных кукол,
Сидя ноги распусти,
Расширяя этот угол³⁶.

4 подспудным грызуном словарного запаса

«Словарный запас» — автоцитата из стихотворения Бродского, написанного на день рождения Кушнера в 1970 году совместно с Я. Гординым (по позднему уточнению второго, Бродский отвечал за версификацию³⁷). Послание реабилитирует таких гостей, как они, вынужденно являющихся на празднование без подарка, зато с поэтическим экспромтом в качестве подношения: «Но он — герой, когда в запасе имеет кой-какой словарь»³⁸.

В том же 1970 году в «серьезном» тексте Бродского: «Здесь, на земле, / где я впадал то в истовость, то в ересь, / где жил, в своих воспоминаньях грязясь, / как мышь в золе, / где хуже мыши / глодал *petit родного словаря*, / тебе чужого, где, благодаря тебе, я на себя взираю свыше...» («Разговор с небожителем»)³⁹. Стихотворение это, в свою очередь включающее сразу две вероятные опоры на

36 Рейн Е. Мой лучший адресат: Стихотворения. М.: Тип. «Новости», 2005. С. 53—54. Стихотворение «Нас несхоже сотворил...».

37 Гордин Я. Другой Бродский // Иосиф Бродский размером подлинника / Ред. Г.Ф. Ко-маров. Таллинн: [Б.и.], 1990. С. 218. Послание сопровождалось рисунком, который изображал крылатого Пегаса; обнаженного поэта в венке, играющего на дудочке; и нагую Музу, смотрящуюся в зеркальце и расчесывающую волосы.

38 Бродский И. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 2. С. 388.

39 Рассуждения о «жизни мышьей беготне» в «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы» Пушкина относятся к жанру ночной медитации, а сравнение жизни с «беготней испуганных мышей» восходит, в свою очередь, к «Размышлениям» Марка Аврелия — автора философского трактата, важного для позднего Бродского. О мышином топосе в поэзии см.: [Мазур 2005].

Пастернак: «*Я на земле, где Вы живете*» и «*Нельзя к концу не впасть как в ересь*»⁴⁰, даст название исповедальному эссе Кушнера «Здесь, на земле»⁴¹.

5 *Теперь в твоих глазах амбарного кота*

Через несколько дней после нобелевских чествований лауреата Кушнер по старой традиции подарил Бродскому свой фотографический портрет работы Р. Кучерова с дарственной надписью на обороте: «Дорогому Иосифу с любовью. Саша. 14 дек[абря] 87 г.». Позже этот снимок появился на форзаце сборника «Живая изгородь» (1988). Почти все советские издания поэзии Кушнера — многие из которых он переправлял в США или вручал Бродскому при встречах⁴² — сопровождались черно-белыми вклейками (в соответствии с книгоиздательскими конвенциями эпохи), из которых складывается последовательная иконография. Бродский, пристально рассматривавший подобного рода жанровую портретную⁴³, мог решить, что найденное им для ПвО сравнение соответствует выражению лица поэта, носившего очки в роговой оправе (здесь вспоминается отвергнутый вариант строки из черновой машинописи: «Не порть себе глаза»). Не без иронии сам Кушнер однажды сказал про себя: «Он глядит с усмешечкою горькой, / Буквы наскрена»⁴⁴.

Нелестное сравнение Кушнера откровенно расстроило:

...вот почему я назван в нем «амбарным котом», хранившим «зерно от порчи и урона». Кошек он любил, фотографировался с ними, вообще слово «кот» в его стихах, как утверждают исследователи, — самое ласковое. Помню и его жест, сопровождавшийся словечком «мяу», когда он был расположен к собеседнику — и как бы царапал его ногтями, по-кошачьи, по рукаву, о чем я однажды написал в своих стихах сразу после первой нашей встречи в Нью-Йорке:

Твой жест, твой детский, — так царапается кошка.
Как будто коготки точа о мой рукав.
Жизнь-жмотина, смотри, расщедрилась немножко.
Ты к ней несправедлив. А я, прильнув, не прав⁴⁵.

40 Из его «Второй баллады» (1930) и «Волн» (1931); приношу благодарность А.К. Жолковскому, поделившемуся со мной этим наблюдением.

41 Чуть позже в ревизионистском по духу эссе об Ахматовой (с уколом в сторону юного Бродского) Кушнер продолжит этот диалог с Пастернаком и Бродским: «Преодолевшая символизм в начале своего блистательного пути, она под занавес “впала” в него, как “в ересь”, — и многие поздние ее стихи утратили былую точность очертаний, страшно располнели, расплылись, страдают водянкой, их и впрямь загубило “величие замысла”» (Кушнер А. Анна Андреевна и Анна Аркадьевна // Новый мир. 2000. № 2. С. 185).

42 Ср. например: «Мне он хвалил “Таврический сад” и “Дневные сны”, которые я ему переправлял в США с кем-то из американцев. (О том, что он любит “Дневные сны” и читал эту книгу втроем с Барышниковым и Г. Шмаковым, мне еще в Нью-Йорке рассказывал Шмаков.)» (Кушнер А. Тысячелистник. С. 250—251).

43 Бродский писал в эссе «Поклониться тени»: «Я часами сидел, внимательно изучая черно-белый квадратик с чертами того или иного поэта, пытаясь угадать, что он за человек, пытаясь его одушевить и привести его лицо в соответствие с наполовину или на треть понятыми строчками» («To Please a Shadow» из сб. «Less Than One», 1986. Пер. Е. Касаткиной).

44 Кушнер А. Прямая речь: Стихотворения. С. 104.

45 Кушнер А. Тысячелистник. С. 288.

Стихотворение было написано как кода к их недавней американской встрече в 1987 году и озаглавлено «The Capitol Hill» (ныне печатается без названия).

Установив связь между собственным поэтическим посланием и ПвО, Кушнер не стал заострять внимание на допущенных им самим языковых «вольностях»: попеняв Бродскому на использование жаргона («Чем мускулистей корни, тем осенью больше бздо» — ну что это такое?»⁴⁶), он оставил без комментария использованные им в тексте 1987 года слова в низком стилевом регистре — «жмотина», «церквуха» (просторечие в 4-й строфе, скорее всего, представляет собой незакавыченную цитату из речи гида-Бродского):

Не сон ли? Ущипни. Какая-то церквуха,
Под готику, в окне, как рыцарь на часах.
При чем тут Вашингтон? В глазах светло и сухо.
Но лучший разговор не здесь, а в небесах⁴⁷.

Фраза «не здесь, а в небесах» о встрече поэтов после многолетнего расставания перекликается с названием, позже выбранным Кушнером для его эссе о Бродском «Здесь, на земле...». Формула в названии, как указал сам Кушнер, заимствована из стихотворения «Разговор с небожителем» (1970): «Здесь, на земле, где я впадал то в истовость, то в ересь...» Таким образом, уже в «Капитолийском холме» Кушнер обыгрывает полюбившуюся ему цитату, и, что характерно, — в режиме скрытой полемики с Бродским. То, что Бродский мог угадать у Кушнера в строке «в окне, как рыцарь на часах» цитату из стихотворения Заболоцкого «Лицо коня» (1926) («И конь стоит, как рыцарь на часах»)⁴⁸, отчасти дополнительно оправдывает уместность «всадницы матраса» в ПвО.

6 хранившего зерно от порчи и урона

В воспоминаниях «У Ахматовой» (1987) Кушнер признавался: «Мне нравятся другие ахматовские стихи, те, в которых “Стройных жниц короткие подолы, как флаги в праздник, по ветру летят”...»⁴⁹ Напомним строфу целиком:

И стройных жниц короткие подолы,
Как флаги в праздник, по ветру летят.
Теперь бы звон бубенчиков веселых,
Сквозь пыльные ресницы долгий взгляд⁵⁰.

В призывае заботиться о себе, а не «о всаднице матраса» Бродский будто одергивает товарища, «засмотревшегося» вслед спутнику поэтессы в таратаайке на заголенные щиколотки работающих в поле крестьянских женщин. Для Бродского сбор урожая ассоциировался скорее с коллективной поденциной и ка-

46 Там же. 287.

47 Цит. по машинописному автографу, который был вложен Кушнером в письмо Бродскому (от 2 января 1988 года), с вписанными от руки посвящением адресату, авторской подписью, а также английским названием «The Capitol Hill» (Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Joseph Brodsky papers, GEN MSS 613. Box 8. Folder 220).

48 Благодарю Р.Д. Тименчука за подсказку.

49 Кушнер А. Аполлон в снегу... С. 391.

50 «Я слышу иволги всегда печальный голос...» (1917).

зенным принуждением к труду (ср. зерновой мотив в его имперской изнанке — «рельеф овса, пшеницы ли, / и очертания державы типа шницеля» в «Ответе на анкету» (1993) с намеком на герб СССР и контурную карту на школьном уроке географии). Восприятие Бродским колхозно-деревенской страды укладывается в то, что П.Ф. Успенский назвал в связи с «Путем зерна» Ходасевича «русской аграрной топикой, транслирующей политические смыслы»⁵¹. Бродскому могло показаться, что, отдавая предпочтение вуайеристской забаве в центральном из трех четверостиший, Кушнер в этих стихах Ахматовой игнорирует куда более важные, с точки зрения автора ПвО, вещи (в последней строфе речь идет о темном первородном грехе — «Но приходи взглянуть на рай, где вместе / Блаженны и невинны были мы»):

Я слышу иволги всегда печальный голос
И лета пышного приветствуя ущерб,
А к колосу прижатый тесно колос
С змеиным свистом срезывает серп.

Бродский же, наоборот, отбирает в пропущенных Кушнером строках из Ахматовой узловые для своей поэтики образы и рифмы и переносит их в ПвО, — возможно, с учетом тютчевского:

Где бодрый *серп гулял и падал колос*,
Теперь уж пусто все — простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде...⁵²

«Серп» в виртуозно аллитерированной строке Ахматовой («**С** змеиным **свистом** **срезывает** **серп**») трансформируется у Бродского в «секири», при этом режущий инструмент приобретет отчетливо карательную функцию. Рифма «голос = колос» не случайна — она отсылает к программному для Бродского тексту «На столетие Анны Ахматовой» (1989) с рифмой «голос — волос» [Ueland 2003: 190] и не названным напрямую, но связанным с «зерном и жерновами» «колосом»:

Страницу и огонь, зерно и жернова,
секиры острие и усеченный волос —
Бог сохраняет все; особенно — слова
прощенья и любви, как собственный свой голос.

К наблюдениям Михаила Лемхина⁵³, Кэрол Юланд и Льва Лосева добавим неназванный ключевой подтекст, который впервые отметил Г.А. Левинтон

51 С образностью, восходящей к новозаветной притче о сеятеле («Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода», Ин. 12:24). Ср. со множеством примеров, главным образом из поэзии XIX — начала XX века: [Успенский 2020].

52 «Есть в осени первоначальной...» (1857).

53 Фотограф и эссеист М. Лемхин, вероятно, и был первым, кто в печати обратил внимание на близость стихов Ахматовой к ПвО на уровне мотивов (Лемхин М. «Иосиф Бродский. Неизданное в России» [реп. на: Звезда. 1997. № 1] // Русская мысль. 1997. № 4181. 3—9 июня. С. 16).

в своей работе, посвященной генеалогии рифмы *голос / волос* в русской поэзии⁵⁴: стихотворение «Голос» из цикла Дмитрия Бобышева «Траурные октавы» (1971) на смерть Анны Ахматовой. Именно в нем испытана опорная триада (рифма «голос – волос» плюс зерновая метафора):

Забылось, но не все перемолилось:
Огромно-голубиный и грудной,
в разлуке с собственной гортанью, голос
от новой муки стонет под иглой.
Не горло, но безжизненная полость
сейчас, теперь вот ловит миг былой,
и звуковой бороздки рвется волос,
но только тень от голоса со мной⁵⁵.

Глагол «перемалывать» применим здесь не только к зерну, а шире – к людским воспоминаниям и разрывам человеческих связей («безжизненная полость», «миг былой», «рвется волос»); в ПвО также в строке 13 – «помол его жесток». За омонимом «мұка» брезжит продукт – перемолотое зерно с уда-рением на втором слоге (см. также коммент. к строке 11). В этой многоэтажной конструкции Бродский обращается к Кушнеру «сквозь ахматовскую линзу», буквально нанизывая повторяющиеся рифмы («голос/волос»; ср. также на-звание книги стихотворений Кушнера) из текстов Ахматовой и стихов Бобы-шева, ей посвященных. «Траурные октавы» были известны не только непо-средственным участникам «квартета», но и читателям (включая Кушнера), формально к «ахматовским сиротам» себя не причислявшим⁵⁶.

7 читается печаль, дремавшая тогда

В интервью с Кушнером о Бродском (записанном в мае 1990 года, более чем за год до сочинения ПвО) В. Полухина процитировала «Соло на IBM» Сергея Довлатова: «Разница между Кушнером и Бродским есть разница между печалью и тоской, страхом и ужасом. Печаль и страх – реакция на время. Тоска и ужас – реакция на вечность. Печаль и страх обращены вниз. Тоска и ужас – к небу». Кушнер заметно раздражается на остроту писателя (не впервые над ним глумившегося⁵⁷):

Очень хочется, отвечая Довлатову, восклкнуть: да что вы, тоски у меня сколько угодно! И ужаса тоже навалом! Чтобы не быть смешным, отвечу по-другому: не представляю себе поэта, который был бы обращен только ко времени или только

54 Г. Левинтон сопоставил рифменные повторы у Бродского и Бобышева в рамках другой традиции – темы голоса поэта (поэтов), точнее – темы «Смерти поэта», см.: [Левинтон 1996: 280].

55 Бобышев Д. Зияния. Париж: YMCA-Press, 1979. С. 57.

56 Впервые в сб.: Памяти А.А. Ахматовой. Стихи, письма, воспоминания. Париж: YMCA-Press, 1974, – где они опубликованы вместе со стихотворениями Наймана и Бродского, а также отрывками из книги Лидии Чуковской «Записки об Анне Ахматовой».

57 Из письма Довлатова – И. Ефимову: «Мне кажется, теперешним властям средний белогвардец гораздо симпатичнее Кушнера» (1 июня 1986 года). Цит. по: Довлатов С. Эпистолярный роман с Игорем Ефимовым. М.: Захаров, 2001. С. 394.

к вечности. Вообще все эти рассуждения о времени и вечности страшно (ужасно) старомодны. Все это спекуляции, к поэзии не имеющие отношения. <...> ...в опыте каждого настоящего поэта есть все: и ужас, и печаль, и вечность, и время. И совершенно невозможно рисовать... меня, если уж речь зашла обо мне, — в виде свиньи, видящей только *то, что делается у нее внизу, под ногами*⁵⁸.

Таким образом, выбор Кушнером названия для эссе «Здесь, на земле», подводящего итоги распри с Бродским, не кажется случайным совпадением — а продолжением скрытой полемики о природе высокого и низкого.

8 когда за мной гналась секира фараона

Мотив преследования властью поэта приобретает к концу второй строфы ПВО гротескные черты библейской погони войск фараона за иудеями во дни Исхода.

В первую встречу с Ахматовой Кушнер услышал из ее уст стихи на ветхозаветную тему, которые ему не понравились — ни тогда, ни после («Что касается библейских стихов [Ахматовой], то признаюсь, я и сегодня недолюблю их»⁵⁹). Кушнер цитирует фрагмент, посвященный брачной ночи праотца, из ахматовского стихотворения «Из Книги Бытия» (1921): «И Лию незрячую твердой рукой / Приводят к Иакову в брачный покой»). Не только Ахматову, но и будущих «сирот» в то время волновала египетская топика. В ноябре 1965 года А. Найман вписал в ее блокнот: «...птицы летят в Египет, / вскрикивая надо мной». По догадке Р.Д. Тименчика, это было, вероятно, реакцией на сентябрьский разговор в Комарове, в время которого Ахматова одобрительно отзывалась по поводу стихов Льва Друскина («Усталая моя, ты — мой Египет: / И знай, и страсть...»): «Вы вернули слову “Египет” его поэтический смысл» (в те годы Объединенная Арабская Республика на страницах советской прессы упоминалась в ином политическом и идеологическом контексте) [Тименчик 2015: 475—476].

Рейн точно и с использованием идишизмов описывал празднование Песаха в советской квартире застойного периода (включая блюдо «хоросет», похожее консистенцией и цветом на глину — символ рабства иудеев в Египетском изгнании):

Хрен, редька на столе, и Зисканд сам
их называет почему-то «морер»,
а рядом на тарелке смесь корицы
с толченым сахаром. Агафья говорит,
что это называется «хоросес», —
впервые слышу; оказывается,
что это символ той глины,
что евреи размесили в Египте некогда⁶⁰.

Упоминает Рейн и дверь, по традиции приоткрытую для прихода пророка Илии; ведущий пасхального седера Зиновий Зисканд задает присутствующим вопросы из сборника молитв и благословений — Пасхальной Агады («что озна-

58 Полухина В. Бродский глазами современников... С. 109.

59 Кушнер А. Аполлон в снегу... С. 382.

60 Рейн Е. Мой лучший адресат... С. 88—89. Стихотворение «Три воскресенья» (1976).

чает эта ночь? / Зачем сидим мы на подушках? / И почему горчайшие едим на свете травы — / редьку, хрен, чеснок?»). В кульминации вечера, отмечающего освобождение еврейского народа от рабства, как и положено, произносят ритуальное пожелание:

«Итак, друзья, в Ершалаиме в году
грядущем!» Я стакан допил до дна,
еще налил и выпил. Нынче сейдер!
А я еврей. Не знал совсем об этом.
Но ничего — я все-таки еврей и потому:
«На следующий год в Ершалаиме!»⁶¹

10 Оскомина во рту от сладостей восточных?

Восточные сладости у Бродского обычно являются знаком мнимого благополучия конформиста, живущего при авторитарном режиме («Свобода / — это когда забываешь отчество у тирана, / а слюна во рту слаше халвы Шираза»⁶²). Ср.: «Запах лотоса нильского сладок» в «Восточном узоре» Кушнера — цикле, которому автор придавал особенное значение, поскольку включил его в две книги, изданные с промежутком в восемь лет⁶³.

Рефлексия по поводу разлома мифической империи, а также ламентации о судьбе поэта, зависящего от милости правителей, служат рефреном в общении корреспондентов Бродского и Кушнера перестроичного периода: «Хотя империя рушится, и мы себя чувствуем, как во время ледохода на разваливающейся льдине, [журнал] “Новый Сизиф” собирается все-таки взвалить на плечи или выкатить (не помню, как он это делал) свой камень, если, конечно, чудовищная инфляция или голодная толпа не съебет его с ног»⁶⁴. В конце письма Кушнер рассказывает о недавней поездке в бельгийский Брюгге и делится мечтой о том, как было бы славно куда-нибудь поехать вместе — «и чтобы царь, узнав про нашу дружбу, произвел нас обоих в генералы». Кушнер не мог себе представить, что к тому времени Бродский уже вынашивал замысел ПвО или даже успел этот текст написать.

В 1995 году, когда инцидент с ПвО оба поэта посчитали исчерпанным, Кушнер выразил в письме восхищение после прочтения переводов Бродского из «Медеи» Еврипида⁶⁵. Перед смертью Бродский написал Кушнеру ответ, но не успел отправить. В этом последнем послании к Кушнеру Бродский вновь затрагивал тему Востока: «Говоря, как ты выражаяешься, строго, “Медея” есть *весьма западное худпроизведение, табутирующее отношения с Востоком*. Для греков, что колхи, что персы, как для нас китайцы, то есть те, на кого нет управы»⁶⁶.

61 Там же. С. 90.

62 Бродский И. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 1. С. 427. Параллель отмечена в: [Ueland 2003: 190].

63 Кушнер А. Голос: Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1978; Кушнер А. Стихотворения. Л.: Художественная литература, 1986.

64 Кушнер — Бродскому, от 25 декабря 1991 года. Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Joseph Brodsky papers. GEN MSS 613. Box 8. Folder 220.

65 Кушнер — Бродскому, от 5 марта 1995 года. Ibid.

66 Там же.

Куда (и откуда) скакет всадница матраса?..

- 11-12 Потусторонний звук? Но то шуршит песок,
пустыни талисман, в моих часах песочных.

Лев Лосев назвал⁶⁷ стихотворение А. Кушнера «Я не люблю Восток, не понимаю...» (1978) одним из интертекстов ПвО:

И я, к иным присматриваясь строчкам,
Ища пример себе в чужих стихах,
Смотрю: они посыпаны песочком,
Сухим, сплошным, скрипящим на зубах,
И хвалят степь, и требуют отваги.
*Песчинкой стать — противится душа*⁶⁸.

Диалог Бродского с «восточным» циклом Кушнера, однако, не ограничивается единственной отмеченной выше реминисценцией. «Пустыни талисман» в ПвО перекликается с кушнеровским «амулетом», извлеченным из пирамиды; фараон-преследователь Бродского точно копирует «фараона» у Кушнера, который использует слово в его двойном значении (на жаргоне — полицейский, городовой), когда через картинку древних Фив в тексте начинает прступать силуэт ленинградского милиционера с мегафоном:

Загробное блаженство фараона
Разобрано на части: вот флакона
Для благовоний скользкий силуэт.
Вот стул складной, и куколка резная
Для внутренностей, маска золотая,
Ларец, и лук, и трость, и амулет.
Ушло из тьмы и убежало тлены,
И на правах культурного обмена
Из древних Фив завезено... Куда?
Милиция дежурит с мегафоном,
Толпа гудит под блеклым небосклоном,
*И невская колышется вода*⁶⁹.

12 Помол его жесток, крупицы — тяжелы

У Бобышева в стихах памяти Ахматовой: «Забылось, но не все перемолилось» («Голос», 1971) и в пятистишии, посвященном Анатолию Найману (1968):

Куда уходит жизнь! Должно быть — в обмолот,
на перемол, в муку — и вкус ее, и мука.
И в каравай-страна, и в колобок-народ...

Иль строчкой вымаранной промелькнет
в черновиках у друга?⁷⁰

67 Бродский И. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 2. С. 562.

68 Кушнер А. Голос... С. 86.

69 Там же. С. 87.

70 Бобышев Д. Зияния. С. 87.

Это — пятое стихотворение в цикле Бобышева «Люди»; второе было посвящено Бродскому («Жизнь достигает порой...», 1964); последнее, седьмое, Наталье Горбаневской («Скажи, зачем почтовый стук ракет...», 1963) со строками: «И литеры, как будто семена, / вдруг проросли и проступили резче, / и вот заговорили письмена / горячей спотыкающейся речи».

Лексема «крупица», соотнесенная со «словарным запасом», встречается в «Разговоре с небожителем» (1970) — стихотворении Бродского, давшем название для эссе Кушнера «Здесь, на земле»: «Благодарю... / Верней, ума последняя крупица / благодарит, что не дал прилепиться / к тем кущам, корпушам и словарю...»

14 и кости в нём белей, чем просто перемыты

Ср. ранее у Бродского: «В них бьется рваный пульс, в них слышен костный хруст» («На столетие Анны Ахматовой», 1989) и в отрывке Пастернака: «И сердца два качнулись ямка в ямку, И в перекрестный стук грудных kostей» («Спекторский»); ср. у Бродского в связи с любовной темой: «сей жар в крови, ширококостный хруст» («Двадцать сонетов к Марии Стюарт», 1974).

В основе строки — идиома «перемывать кости», то есть сплетничать⁷¹. Судя по мемуару, Кушнер не связал проникновение «Спекторского» в ПВО с темами разговоров с Бродским, которые непосредственно предшествовали возникновению «обидного» стихотворения. Бродский и Кушнер встретились в Лондоне летом 1991 года на мандельштамовской конференции; на совместной прогулке их разговор коснулся благорасположенности судьбы к собеседникам, позволившей увидеть обоим «иные берега, иные волны». В связи с этим Кушнер припомнил «обращенную к Богу»⁷² строку из Пастернака: «Ты больше, чем просят, даешь»; Бродский молниеносно с усмешкой поправил: «Ты меньше...» Откорректированная Бродским на ходу цитата — из стихотворения «Иней» (1941):

И белому мертвому царству,
Бросавшему мысленно в дрожь,
Я тихо шепчу: «Благодарствуй,
Ты больше, чем просят, даешь»⁷³,

— резонирует с апофатической благодарностью Ахматовой: «За то, что мир жесток и груб, / За то, что Бог не спас» в «Последнем тосте» (1934); из последнего Найман возьмет эпиграф («И за тебя я пью») к стихотворению «Тост».

71 Кушнер в письме к Бродскому не упустил шанса поддеть общего приятеля: «Приезжал в Ленинград Рейн, он целуется, как Ноздрев, занимает деньги, ходит по стене и т.д. <...> Дела его хороши, его печатают (наконец!), должны выйти книги, даже в «Современнике», где, кроме Фета, никогда не издавали ни одного еврея» (от 2 января 1988 года; Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Joseph Brodsky papers. GEN MSS 613. Box 8 Folder 220).

72 Цитата из эссе Кушнера (Кушнер А. «Здесь, на земле...». С. 276).

73 Пастернак Б. Полное собрание сочинений с приложениями: В 11 т. Т. 2. М.: Слово, 2004. С. 111.

15 Но лучше грызть его, чем губы от жары

По следам встречи с Бродским в столице США 13 декабря 1987 года Кушнер написал стихотворение под названием «The Capitol Hill». Во вложенном в письмо тексте в верхней части машинописного листка он вписал посвящение «Иосифу Бродскому». Здесь Кушнер обыгрывает образы пустыни и миражей, размышляет о сложности личных и творческих отношений между поэтами:

Поэт поэту — столп лучей невыносимый,
В безжизненных песках синеющий мираж.
Как жажду утолить? Живой, невозмутимой
Дай мне воды со дна. Где ручка, карандаш?⁷⁴

16 облизывать в тени осевшей пирамиды.

Напомним, что Евгений Рейн ознакомился с текстом ПвО еще в 1993 году, а вскоре при его непосредственном участии произошло снятие текста из журнального набора. Незадолго до того, как Кушнер в 1998 году опубликовал стихотворение покойного поэта с изложением собственной версии обстоятельств их ссоры, Рейн адресовал автору «Аполлона в снегу» послание, которое можно отнести к тому, что Р.Д. Тименчик окрестил «стихообменом»⁷⁵, имевшим место между членами ахматовской четверки и поэтами их ближнего круга:

A. Кушнеру

Все подсчитано — сколько чашечек кофе,
и шотландский клетчатый галстук в подарок;
бухгалтерия пишется по катастрофе,
пирамида возводится без помарок.
А ведь было — у зёва Сарданапала
все лежали в непредсказуемом страхе,
и метал он жребий, и масть упала
на ладонь безумца, в карман неряха.
И теперь ничего нельзя поделать,
лишь листать ночами *конторские книги*,
да следить, как истово чистит челядь
аккуратно развешенные вериги⁷⁶.

«Все подсчитано — сколько чашечек кофе...» (1997) устроено как попурри из кушнеровских стихов и занимавших его топик, так или иначе имевших отношение к Бродскому. Первая же строка отсылает к стихотворению «В кафе» (1972), которое Кушнер посвятил недавно изгнанному на Запад товарищу:

74 Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Joseph Brodsky papers. GEN MSS 613. Box 8. Folder 220.

75 См. статью в настоящем номере.

76 Рейн Е. Мой лучший адресат... С. 223.

В переполненном, глухо гудящем кафе
Я затерян, как цифра в четвертой графе,
И обманут вином тепловатым...⁷⁷

Вторая строка — с вплетенным в нее «шотландским клетчатым галстуком» — вероятно, относится к апокрифическому эпизоду о переподаренном Бродскому Рейном галстуке Пастернака в преддверии церемонии награждения Нобелевской премией в Швеции. Рейн артикулирует направленную против Кушнера инвективу: недостаточно просто отказаться от открытой поддержки режима в сфере культуры (как это делал лагерь Евтушенко и Вознесенского); нейтрализует печатающегося при советской власти поэта, встроенного таким образом в систему, компрометирует его самого.

В парадигме «преследователь — жертва» Рейн, как до него Бродский в ПВО, обращается к древневосточной истории, представляющейся удобной матрицей, которая позволяет кодировать коллизии современности. Пирамида — маркер еврейской темы, и ее присутствие в тексте позволяет взглянуть на скрытое измерение стихотворения Рейна. Если в «Трех воскресеньях» (1976) он описывал трапезу, проводимую в начале еврейской Пасхи, то в подтексте этого стихотворения — празднование Пурима (ивр. פָּרִימ; мн. число от аккадского «пуру» — «жребий»). Согласно библейской Книге Есфири, проживавшие на территории Древней Персии евреи чудом спаслись от истребления Аманом — злодеем, который служил при дворе сатрапа Артаксерса (Ахашвероша). Отсюда у Рейна «метал он жребий», а также строка «листать ночами конторские книги»: накануне драматических событий во время бессонницы Ахашверош попросил слуг принести ему хроники, в которых были записаны заслуги перед царем еврея Мордехая, дяди красавицы Эстер-Эсфири, попавшей в гарем к царю. Тяжелые железные цепи («аккуратно развесенные вериги») в каком-то смысле также работают на антураж пуримской сказки; согласно ее фабуле, Аман заранее приказал взвесить в столице виселицы для иудеев, на которых в итоге повесили его самого с сыновьями. Сарданапал — имя последнего ассирийского царя и к персидскому правителю из еврейской истории отношения не имеет, однако Рейн мог использовать его по смежной ассоциации (у Байрона — в переводе Георгия Шенгели — про развратного Сарданапала говорят: «Он и царицу / Любил и тут же — тысячи распутниц»⁷⁸). Рейн подарил книгу стихов Шенгели⁷⁹ Льву Лосеву, который позднее обыгрывал свое происхождение в воображаемом загробном диалоге с далеким от юдофилии Гоголем:

Я ответил: «Я не Янкель,
я Lev Loseff, здесь не рай,
гений — никогда не ангел,
ты не ангел, Николай.

77 Сам Кушнер годы спустя прокомментирует, что осведомленному читателю не представляло труда опознать в этом стихотворении, опубликованном в его книге «Прямая речь» (1975), следы присутствия Бродского («то ли рыжего друга в дверях увидать»), включая аллюзию на его «Зимним вечером в Ялте»: «Цензура, в отличие от внимательного читателя, смысл стихов не угадала. Тем и отличаются подлинные, смею надеяться, стихи от стихотворной публицистики, что цензорскому карандашу они, как правило, не по зубам» (Кушнер А. О Бродском // Литература. 2009. № 19 (739). 7 октября).

78 Байрон Дж.Г. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1981. С. 237.

79 Лосев Л. Меандр: Мемуарная проза. М.: Новое издательство, 2010. С. 395.

Николай, давай покурим,
у нас нынче праздник Пурим.
Пурим — праздник для детей,
только нет у нас сетей...⁸⁰

Для послевоенного поколения советской еврейской интеллигенции сюжет библейского исхода из Египта оказался связан с набиравшей обороты репатриацией в Израиль, совпав (здесь причинно-следственные связи могут быть парадоксально перевернуты) с усилением этнической самоидентификации, особенно как следствие впечатляющей победы Израиля над арабской коалицией в Шестидневной войне 1967 года (ср. «Представление» Бродского: «Над арабской мирной хатой / гордо реет жид пархатый»).

Трое из ахматовских сирот — еврейского происхождения (этнически русский Бобышев женился на ленинградской еврейке); каждый по-своему «решил» свой еврейский вопрос: Рейн, старательно описавший свой первый седар, остался лояльным гражданином империи; Найман крестился, но к концу жизни, будучи регулярным пассионарным колумнистом газеты «Еврейское слово», наиболее полно из всей четверки манифестировал принадлежность к (московской) еврейской общине; Бродский, отказавшись от многочисленных приглашений посетить Израиль, неизменно называл еврейство третьим формообразующим элементом в триаде своей идентичности — другие два были «русский поэт» и «американский гражданин» (см.: [Левинг 2011]). У Кушнера еврейская тема обозначилась еще в ранних стихах («Летит еврейское письмо. / Куда? — Не ведает само, / Слова написаны, как ноты»⁸¹) наряду с восточными мотивами⁸², в том числе в стихотворении, написанном для Бродского, «Свет мой зеркальце, может быть, скажет...» (1981); по свидетельству Кушнера, оно тронуло адресата, прочитавшего его в Нью-Йорке в 1990 году: «Чередой временных поясов, / Вавилонскою сменой наречий / Есть поэт, взгромоздивший на плечи...»⁸³

В образе осевшей и отбрасывающей тень пирамиды важен как сам объект ритуального зодчества, так и детально разработанная в мировой поэзии тема «тени». Не вдаваясь в обширную генеалогию предмета, отметим только не-

80 Из цикла «Ружье (Петербургская поэмка)» с посвящением их общему с Бродским ленинградскому приятелю и известному краеведу В.В. Герасимову. Цит. по: Лосев Л. Собранные. Екатеринбург: У-Фактория 2000. С. 404. Как напомнил мне Г.А. Левинтон, «только нет у нас сетей» — из считалки: «Шла кукушка мимо сети, а за нею злые дети...» (в электронном письме автору от 14 мая 2024 года).

81 Кушнер А. Флейтист... С. 6. Стихотворение «Буквы» (1966). Он же вспоминал, как при встрече Ахматова «с удовольствием показала мне книгу на еврейском языке, где были напечатаны два ее стихотворения. “К сожалению, мы не знаем языка”, — сказала она» (Кушнер А. Аполлон в снегу... С. 385).

82 Ср.: «Никто не знает флага той страны, / Что глиняного старше Междуречья. / Быть может, все мы там обречены / На хаттское и хеттское наречье. / Никто не знает флага, языка, / Он запылен, как кровельщика фартук. / Пока мы здесь, пока твоя рука / Лежит в моей, что Иштар нам, что Мардук?» («Подражание древним»); в следующем тексте, который начинается четверостишием: «Прости, волшебный Вавилон / С огромной башней, как рулон. / Небрежно свернутой бумаги. / Ты наш замшелый, ветхий сон. / Твои лебедки помню, флаги»; и наконец, в третьем тексте подборки: «Как буйно жизнь кипит на стенках саркофага!» (Кушнер А. Таврический сад: Седьмая книга. Л.: Советский писатель, 1984. С. 404).

83 Кушнер А. Тысячелистник. С. 267.

сколько примеров из стихов Кушнера, которые могли подсказать Бродскому именно такую диспозицию в оазисе: «Стать тенью, от светом, в траве — песчинкой стать...»⁸⁴ (ср. у Бродского: «Но то шуршит песок, пустыни талисман, в моих часах песочных»); в стихотворении «Был туман. И в тумане / Наподобье загробных теней...», посвященном Я. Гордину:

А представьте себе: в эту ночь никакого тумана!
Флот французский опознан, расстрелян, развеян, разбит.
И тогда — ничего от безумного шага и плана,
*Никаких пирамид*⁸⁵.

Возможно, в ретроспективе Бродского задело меланхоличное замечание Кушнера от лица неких «нас», к которым тот относился, по существу, лишь по факту географической принадлежности: «...творческая юность, проведенная в бывшей столице, избавила нас (назову еще одного замечательного поэта — Евгения Рейна) от борьбы за “кусок столичного пирога”. В тени ленинградских садов явственней звучит, как сказала Ахматова, “голос Музы еле слышный”»⁸⁶. Таким образом, облизывание губ при виде «столичного пирога» в стихотворении Бродского намекает на близость к редакциям журналов и книжных издательств.

Вместо эпилога

О смерти Ахматовой в марте 1966 года Кушнеру по телефону сообщил А.Г. Найман. На следующий день они вместе поехали в аэропорт встречать гроб с ее телом. На похоронах в Комарове Кушнер не присутствовал, поэтому в кадры кинохроники и фотографов не попал, что дало ему позже основание укорять «ахматовскую четверку»⁸⁷ за якобы их позирование перед объективами на кладбище («молодые поэты маленькой толпой сгрудились над гробом Ахматовой»)⁸⁸). Найман вывел Кушнера в романе «Б.Б. и др.» в качестве эпизодического персонажа под именем Квашнин (поэта, публикующегося под псевдонимом Кашне⁸⁹):

-
- 84 В стихотворении «Тысячелетие тому назад... заря...» (Кушнер А. Дневные сны: Книга стихов. Л.: Лениздат, 1986. С. 16—17).
- 85 Кушнер А. Голос: Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1978. С. 94.
- 86 Полухина В. Бродский глазами современников... С. 114.
- 87 «Увы, о том, что фотографироваться рядом с умершей — сомнительное занятие, им никто из старших не сказал, а сами они, по невоспитанности души, еще не знали» (Кушнер А. Аполлон в снегу... С. 387). Между тем счет тех, кто на знаковых похоронах присутствовал или отсутствовал, педантично велся, например, в стихотворении Рейна «Хроника. 1966» (Рейн Е. Мой лучший адресат... С. 75—76).
- 88 Оскорбительная неуместность ремарки Кушнера идет вразрез с воспоминаниями всех тогдашних участников похорон; см., в частности, в опубликованных к тому времени отрывках из бесед Бродского с С. Волковым (Волков С. Вспоминая Анну Ахматову // Континент. 1987. № 53. С. 337—382).
- 89 По словам Лосева, в книге Наймана «происходит “опускание” знакомых и бывших друзей, обладающих отсутствующими у Наймана талантами, путем проекции на них присутствующих у Наймана недостатков. <...> “Кашне”-Кушнеру [досталась] поэтическая бесталанность и пожизненное доение знакомства с Ахматовой» (Лосев Л. Мяндр: Мемуарная проза. М.: Новое издательство, 2010. С. 80). В романе Кушнер-

С Ахматовой у Квашнина не сложилось. Ему было двадцать, когда кто-то из старших, то ли Лидия Чуковская⁹⁰, то ли Лидия Гинзбург, показал ей его стихи. <...> А Квашнин был юн, был поэтом культуры, был классичен, и его стихи трогали. Иначе говоря, он был поэтом в аккурат этой самой интеллигенции. И Ахматова, возвращая стихотворения, не произнесла ничего, ни слова. А услышав: «Вам не понравилось?» — сказала что-то вроде «с комфортом написано — и, надо думать, хорошим почерком»⁹¹.

Почерк у Кушнера действительно легкий для чтения; в одном из писем, адресованных Найману, тогда только предпринимавшему первые шаги в прозе, он нечаянно дал совет, о котором позже у него появится причина пожалеть: «Мне кажется, что настоящий твой интерес — в сегодняшнем материале, и чем больше ты берешь из этого материала, из собственной жизни и жизни твоих друзей и приятелей — тем лучше получается твоя проза»⁹². Лосев, в личных дневниках яростно критиковавший Наймана, предложил ключи к разгадке ряда персонажей романа «Б.Б. и др.» и назвал того, кто был спрятан за литературной маской Квашнина⁹³.

В посвященном Ахматовой эссе «Муза плача» (1982) Бродский напомнил, что после 1922 года и до ее смерти она «не имела возможности издать авторский, то есть составленный ею самой, сборник» (цит. по: [Ахапкин 2021: 261]). В предисловии к первому сборнику Е. Рейна он в том же духе посетовал, что иным поэтам пришлось ждать полувекового юбилея до выхода их дебютных книг (имея в виду прежде всего Рейна и Наймана)⁹⁴. В отличие от неподцен-

Квашнин автору «подозрителен со своим печатанием то в том, то в другом журнале, с книжкой стихов в двадцать один год, с тем, что не одного Каллимаха вставлял в стихи, а и нас, грешных, или, как однажды прошел сквозь зубы Найман: “Мы стихи пишем, а он печатает”» («Б.Б. и др.»).

90 Ахматова в беседе с Чуковской как-то сравнила Кушнера и Горбаневскую: «Изящен, — ответила она, то ли с одобрением, то ли с укором. — Интеллигентен, литературен, изящен. Однако я боюсь, нравится ему такое занятие: писать стихи. А вот эта женщина, — Анна Андреевна раскрыла сумочку и вынула листок со стихами Натальи Горбаневской, — ей не хочется, больно ей, но не писать она не может» (7 ноября 1964 года; Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. Т. 2. М.: Согласие, 1997. С. 243).

91 Найман А. Б.Б. и др. М.: Зебра Е, 2009. С. 191–192.

92 Письмо А.С. Кушнера А.Г. Найману от 19 марта 1976 года (Anatoly Naiman Papers. Box B-002063. Folder 4). Кушнера восхитил рассказ «Новый вид из окна»; «Статую» он не принял — оба позже вошли в сборник А. Наймана «Статуя командира и другие рассказы» (Лондон: Overseas Publications Interchange, 1992).

93 Лосев Л. Меандр: Мемуарная проза. С. 80. В частной переписке (которая в целом носила деловой характер) Лосев тем не менее обращался к корреспонденту «милый Толя». В письме от 6 мая 1992 года, например, он подает Найману идеи для курса, посвященного Ахматовой и творчеству советских поэтов 1930–1950-х годов (Anatoly Naiman Papers. Box B-002063. Folder 4). Как следует из другого места в дневнике Лосева, приглашенный московский лектор был далек от методологии преподавания в условиях американской академии, и в результате его курс оказался не слишком удачным.

94 «В настоящем у Рейна вышли три сборника стихотворений; первый из них — когда автору исполнилось 50 лет. Публикацию двух последующих, с интервалами в приблизительно два года, следует, видимо, рассматривать как торжество справедливости. К сожалению, проблема с торжеством справедливости, заключается, по определению, в том, что оно наступает всегда с опозданием» (Бродский И. Предисловие // Рейн Е. Избранное. Москва; Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1992. С. 10).

зурных ленинградских поэтов, Кушнер дебютировал сборником «Первые впечатления» (1962); после второй книги стихов «Ночной дозор» (1966) был принят в члены Союза советских писателей. Выслушивать критику от Кушнера, который, в противоположность Ахматовой и ее «сиротам», регулярно печатался в СССР⁹⁵, Бродский был не готов — особенно если критика эта, по его мнению, касалась самой Анны Андреевны. В интервью Полухиной, не называя конкретных имен, Кушнер сказал о Бродском: «Несколько меньше ценю я [его] стихи, специально написанные на смерть того или другого знакомого. Возникает даже впечатление, что *Бродский ожижается при известии о смерти, как полковая лошадь при звуках военной трубы*⁹⁶, — появляется новый повод для вариации на старую тему»⁹⁷. В 1989 году Бродский посвятил столетнему юбилею Ахматовой программное стихотворение; тезис Кушнера он истолковал как неприемлемую для него антиахматовскую риторику⁹⁸ (напомним, приведшую к разрыву с К.К. Кузьминским и на время даже примирившую его в США с Бобышевым, когда они оба демонстративно отказались от участия в эмигрантской антологии⁹⁹). Скорее всего, это негативное восприятие наложилось и на укол Кушнера в связи с похоронами Ахматовой («молодые поэты маленькой толпой сгрудились над гробом Ахматовой»¹⁰⁰); слова Кушнера вызвали, в частности, отповедь Н. Горбаневской («какой мелкий человек!» — сказала она о нем¹⁰¹).

Все это Бродский предпочел не объяснять собеседнику по трансатлантической связи, выбрав не требовавший «разговора по душам» и лежавший на поверхности аргумент, чтобы замять разговор и нессориться. Мы полагаем, что истинной причиной и одним из ключевых мотивов, побудивших Бродского взяться за ПвО и написать стихотворение в той тональности, в которой оно в итоге получилось, была отнюдь не реакция на то, что Кушнер выказал

95 В предисловии к книге английских переводов стихов Кушнера, написанном в ноябре 1988 года, Бродский комплиментарно и с уважением говорил о нем как авторе с состоявшейся литературной биографией, причем в рамках советской системы книгопечатания (*Kushner A. Apollo in the Snow: Selected Poems / Transl. by P. Graves and C. Ueland; with an introd. by J. Brodsky*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1991. Р. x—xii).

96 В оригинале речь шла о «галопе кокетства»: «Маленькая княгиня, как старая полковая лошадь, услыхав звук трубы, бессознательно и забывая свое положение, готовилась к привычному галопу кокетства, без всякой задней мысли или борьбы, а с наивным, легкомысленным весельем» (*Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1937. С. 277*).

97 Отсылку Кушнера к Толстому с его «полковой лошадью» можно было бы отнести на счет стихотворения «На смерть Жукова» («гроб на лафете, лошади круп»; 1974), если бы в продолжение интервью Кушнер не вернулся к теме в несколько ином изводе: «Юбилеи Ахматовой и Пастернака обернулись чудовищной пошлостью, их произвели в литературные генералы» (*Полухина В. Бродский глазами современников... С. 111, 114*).

98 Отчасти у Кушнера так и неизжитую: «...постепенно я понял, почему некоторые старые друзья, любившие Анну Андреевну и испытывавшие к ней глубочайшее уважение, все реже бывали у нее» (*Кушнер А. Анна Андреевна и Анна Аркадьевна // Новый мир. 2000. № 2. С. 185*).

99 Подробнее об инциденте см.: На берегах Голубой Лагуны. Константин Кузьминский и его антология. Сборник исследований и материалов / Сост. И. Кукуй. М.; Бостон; СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. С. 98; 327—328.

100 *Кушнер А. Аполлон в снегу... С. 387*.

101 Интервью Ю. Левинга с Н. Горбаневской (Париж, 2013).

недовольство его приблестенным поэтическим словарем, а попытка Бродского отделить Анну Ахматову и ближайших друзей-поэтов от перестроичного перекраивания Кушнером недавней истории.

Библиография / References

- [Ахапкин 2021] — Ахапкин Д. Иосиф Бродский и Анна Ахматова. В глухонемой вселенной. М.: ACT, 2021.
(*Akhapkin D. Iosif Brodskiy i Anna Akhmatova. V glu-khonomoy vselennoy*. Moscow, 2021.)
- [Горелик 1997] — Горелик Л.Л. Роман в стихах Бориса Пастернака «Спекторский» в контексте русской литературы. Смоленск: СГПИ, 1997.
(*Gorelik L.L. Roman v stikhakh Borisa Pasternaka "Spektorskiy" v kontekste russkoy literatury*. Smolensk, 1997.)
- [Иванов 2015] — Иванов Вяч.Вс. О теме женщины у Пастернака // Иванов Вяч.Вс. Пастернак. Воспоминания. Исследования. Статьи. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2015. С. 322—334.
(*Ivanov Vyach.Vs. O teme zhenschchiny u Pasternaka* // *Ivanov Vyach.Vs. Pasternak. Vospominiya. Issledovaniya. Stat'i*. Moscow, 2015. P. 322—334.)
- [Левинг 2011] — Левинг Ю. Бродский и Израиль. Восемь необязательных примечаний к вопросу, который вы хотели, но стеснялись задать // Россия и Запад: Сборник статей в честь 70-летия К.М. Азадовского / Сост. М. Безродный, Н. Богомолов, А. Лавров. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 248—275.
(*Leving Yu. Brodskiy i Izrail'. Vosem' neobiazatel'nykh primechaniy k voprosu, kotoryy vy khon-teli, no stesnyalis' zadat'* // *Rossiya i Zapad: Sbornik statey v chest' 70-letiya K.M. Azadovskogo* / Ed. by M. Bezrodny, N. Bogomolov, A. Lavrov. Moscow, 2011. P. 248—275.)
- [Левинтон 1996] — Левинтон Г.А. Достоевский и «низкие» жанры фольклора // Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература / Сост. Н. Богомолов. М.: Ладомир, 1996. С. 267—296.
(*Levinton G.A. Dostoevskiy i "nizkie" zhanry fol'klora* // *Antimir russkoy kul'tury. Yazyk. Fol'klor. Literatura* / Comp. by N. Bogomolov. Moscow, 1996. P. 267—296.)
- [Лекманов* 2005] — Лекманов О.* «Всадница матраса»: об одном образе в одном несправедливом стихотворении И. Бродского // Иосиф Бродский: стратегии чтения: Материалы международной научной конференции 2—4 сентября 2004 года в Москве. М.: Изд. Ипполитова, 2005. С. 130—132.
(*Lekmanov O*. "Vsadnitsa matratsa": Ob odnom obraze v odnom nespravedlivom stikhotvorenii I. Brodskogo* // *Iosif Brodskiy: Strategiya chteniya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 2—4 sentyabrya 2004 goda v Moskve*. Moscow, 2005. P. 130—132.)
- [Мазур 2005] — Мазур Н. О мышиной беготне, Пушкине, Марке Аврелии и об условно-функциональных контекстах // Шиповник. Историко-филологический сборник к 60-летию Романа Давидовича Тименчика. М.: Водолей, 2005. С. 250—260.
(*Mazur N. O myshinoy begotne, Pushkine, Marke Avrelii i ob uslovno-funktional'nykh kontekstakh* // *Shipovnik. Istoriko-filologicheskiy sbornik k 60-letiyu Romana Davidovicha Timenchika*. Moscow, 2005. P. 250—260.)
- [Сергеева-Клятис 2016] — Сергеева-Клятис А.Ю. Сумерки свободы. Борис Пастернак в критике 1920-х годов. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2016.
(*Sergeeva-Klyatis A.Y. Sumerki svobody. Boris Pasternak v kritike 1920-kh godov*. Moscow, 2016.)
- [Тименчик 2015] — Тименчик Р.Д. Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы: В 2 т. 2-е изд., испр. и расшир. Т. 1. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2015.
(*Timenchik R.D. Posledniy poet: Anna Akhmatova v 1960-e gody*: In 2 vols. 2nd ed., rev. and add. Vol. 1. Moscow; Jerusalem, 2015.)
- [Успенский 2020] — Успенский П.Ф. «Путем зерна» как формула революции: Ходасевич, Некрасов, крестьянские поэты и аграрная топика русской лирики // Русская литература. 2020. № 2. С. 131—147.

* Включен Министром РФ в реестр иностранных агентов.

(Uspenskiy P.F. "Putem zerna" kak formula revo-
lyutsii: Khodasevich, Nekrasov, krest'yan-
skie poety i agrarnaya topika russkoy liriki //
Russkaya literatura. 2020. No. 2. P. 131—147.)

[Ueland 2003] — Ueland C.R. Joseph Brodsky and
Aleksandr Kushner: The Relationship in Verse //
American Contributions to the 13th Internatio-
nal Congress of Slavists: In 2 vols. Vol. 2. Lite-
rature / Ed. by R.A. Maguire and A. Tiberlake.
Bloomington: Slavica, 2003. P. 181—202.